

ФИЛОСОФИЯ

(шифр научной специальности: 5.7.7)

Научная статья

УДК 101

doi: 10.18522/2070-1403-2023-99-4-11-16

ЕВРАЗИЙСТВО В КОНТЕКСТЕ ГЕОПОЛИТИКИ И ЭКОНОМИКИ

© *Эмилбек Каримович Дуйшовев*

Баткенский государственный университет, г. Баткен, Кыргызстан

duyshoyev1980@mail.ru

Аннотация. Рассматривается евразийский проект в контексте современных условиях геополитики и экономики. Отмечается, что советский проект многонационального государства содержал элементы евразийства в модифицированном виде, связанного с идеологическими, геополитическими и социально-экономическими обстоятельствами. В то же время тенденции евразийства в этом контексте проявлялись противоречиво и были связаны с попытками отстаивания национальной суверенности. Отмечается, что в условиях глобализации и постглобализации невозможно отрицать влияние многовекторности включения в евразийское пространство как условие самостоятельности развития в том, чтобы не отбросить уже сложившиеся формы национального строительства, не переступить границы национальной суверенности. В связи с этим сложным представляется обоснование евразийской концепции не только в геополитическом, культурно-цивилизационном отношении, но и как концепции современной прагматики.

Ключевые слова: евразийское пространство, евразийский проект, евразийство, национальные интересы, национальный суверенитет, политика державности.

Для цитирования: Дуйшовев Э.К. Евразийство в контексте геополитики и экономики // Гуманитарные и социальные науки. 2023. Т. 99. № 4. С. 11-16. doi: 10.18522/2070-1403-2023-99-4-11-16

PHILOSOPHY

(specialty: 5.7.7)

Original article

Eurasianism in the context of geopolitics and economics

© *Emilbek K. Duishoev*

Batken state university, Batken, Kyrgyzstan

duyshoyev1980@mail.ru

Abstract. The Eurasian project is considered in the context of modern conditions of geopolitics and economics. It is noted that the Soviet project of a multinational state contained elements of Eurasianism in a modified form associated with ideological, geopolitical and socio-economic circumstances. At the same time, the tendencies of Eurasianism in this context were contradictory and were associated with attempts to defend national sovereignty. At the same time, the article notes that in the conditions of globalization and post-globalization, it is impossible to deny the influence of multi-vector inclusion in the Eurasian space as a condition for independent development in order not to discard the already established forms of nation-building, not to overstep the boundaries of national sovereignty. In this regard, it is difficult to substantiate the Eurasian concept not only in geopolitical, cultural and civilizational terms, but also as a concept of modern pragmatics related to the economic, political and social integration of the participants of the Eurasian project.

Key words: Eurasian space, Eurasian project, Eurasianism, national interests, national sovereignty, policy of statehood.

For citation: Duishoev E.K. Eurasianism in the context of geopolitics and economics. *The Humanities and Social Sciences*. 2023. Vol. 99. No 4. P. 11-16. doi: 10.18522/2070-1403-2023-99-4-11-16

Введение

В настоящее время Российская Федерация вынуждена двигаться в сторону осторожной колонизации евразийского пространства. Другими словами, говоря о геополитизации евразийского проекта, следует подчеркнуть, что его существованию благоприятствовали два обстоятельства. После ликвидации Советского Союза, как показал опыт 90-х гг. XX в., речь шла, с одной стороны, о национализации постсоветского пространства, создании новых на-

циональных государств, стремлении иметь национально-государственную атрибутику, не только символическую, но и материальную, такую как артефакты, армия, финансово-экономическая система, национализация системы образования и науки, что укладывалось в классический концепт национальных государств, сформированный еще в XIX в. С другой, следует говорить о процессе глобализации ко времени, когда ликвидировали Советский Союз, уже происходила интеграция мирового политического и экономического пространства, поднимался вопрос, какой будет конфигурация современного мира.

На этот вопрос были даны разные ответы в соответствии с политико-идеологическими предпочтениями. Странам постсоветского пространства в той или сфере пришлось пережить период веры в самодостаточность и поиск новых глобальных партнеров, а центробежные тенденции на постсоветском пространстве имели зеркальное отражение внутри государств, где возникали очаги этносепаратизма и серые зоны анархии внутри государств. Это не слишком преувеличенный фактор, хотя от региона к региону он, конечно, различался, но общим моментом стало возникновение непризнанных государств, хотя можно говорить о позитивном опыте.

В целом развод бывших советских республик происходил достаточно мирно, если сравнивать с кровавой эпопеей Балкан, но все же можно вспомнить, что возникла масса сложных проблем, которые могли быть урегулированы в рамках союза независимых государств только частично и паллиативно. В этот период возникло осознание необходимости если не придерживаться процессы национального строительства, то относиться к ним с учетом внутренних и внешних факторов, признавая, что сохранение вымеренной формы двухсторонних и многосторонних отношений является гораздо более предпочтительным, чем ввязывание в конфликтные ситуации и создание новых барьеров на пути сохранения общего евразийского наследства.

Методика исследования

На наш взгляд для раскрытия поставленной темы необходимо обратиться к концепции А.Г. Дугина [4], в которой проявляется стремление к формированию геополитической доминанты как объективной закономерности евразийского вектора развития России и в противовес к атлантизму, теории национальной изолированности так называемого «третьего пути России», автор естественно не может не замечать современных реалий, сложившихся в мире. В это понятие вкладывается весьма широкий смысл, отличающийся от культурно-географического, и евразийское пространство определяется стремлением включить в него практически все постсоветское пространство, вероятно, за исключением стран Балтики, которые относятся к странам континента у моря.

Также необходимо акцентировать внимание на работах П. Савицкого [10], К. Леонтьева [8], Н.Н. Алексеева [1], в то же время включать и инструментарий, который содержится в работах Л.Н. Гумилева в концепте «От Руси к России» [2], обращать внимание на зарубежные геополитические концепции, которые, казалось бы, относятся к прошлому веку, но актуальны для современной глобальной политики.

Очевидным является то, что Россия находится в достаточно сложном положении, это связано как с внутренними, так и с внешними факторами. В этом смысле мы не только обращаем внимание на геополитические аргументы, выдвинутые Л. Ивашовым [5], также необходимо исторически проследить развитие идей евразийства как оборонительной концепции в работах Н.Я. Данилевского [3].

Обсуждение

На наш взгляд, тенденции евразийства исторически проявлялись противоречиво и были связаны с попытками отстаивания национальной суверенности или, по крайней мере, с освоением формулы равенства в отношениях между республиками и нациями. В принципе евразийство являлось течением, которое в определенной степени обуздывало националистические и сепаратистские настроения. Это особенно проявилось в работах Н.Л. Гумилева, который сформулировал евразийство в достаточно изящной, но дискутируемой формуле перехода от Руси к России.

Основываясь на своей интерпретации исторических фактов, Н.Л. Гумилев считал, что Советский Союз являлся пространством наследия Чингисхана, что Русь, возникшая в IX в.

как государственность от православной Византии, была ограничена в своей миссии осознанием православия как духовной объединяющей силы. В контексте последующих завоеваний Орды Н.Л. Гумилев отмечает два интересных факта. Во-первых, Орда, являясь державой, основывалась на ядре евразийства, что в контексте истории этого периода значимым является противостояние Руси и Запада, где, по его мнению, Литва не только имела претензии на русские территории, но и стремилась завоевать независимость как от России, Польши, так и Руси, реализовать обширные планы регионального господства. Это повлияло на выбор евразийской судьбы Руси при переходе к России, так как Русь не стала европейской страной, не вступила в унию с литовским княжеством, и после объединения Литвы и Польши исчезли последние надежды на торжество православия, исчезли существенные моменты, чтобы говорить о несостоявшейся альтернативе. Во-вторых, завоевав независимость от татарской орды, русское государство было заинтересовано в пограничных территориях, что привело ее в пространство от Чернигова до Нижнего Новгорода, и через 200 лет в XVIII в. России удалось решить важнейшую проблему определения естественных границ [2, с. 195].

Обращаясь к трудам Л.Н. Гумилева, естественным становится вопрос, что уже в этот период евразийская экспансия России стала геополитически обоснованной, что наступил период пассионарности русского народа. Как считает Л.Н. Гумилев, на Западе границы к XVII в. обозначились перспективами России как государства, определились с тем, чтобы за счет превращения на Востоке (а Юг был в определенной степени связан с требованием запроса на создание пояса безопасности наряду с Западом) привело к тому, что после завершения «смутного времени» со становлением династии Романовых евразийство стало проявляться и приняло массовый характер на народном уровне как движение на Восток, создание поселения вольных людей в Сибири.

Для Л.Н. Гумилева также становится возможным то, что возникновение культурной традиции, отождествляемой на Западе с этнической, в реальности не отражало действительность проникновения азиатского в социально-бытовую, языковую, культурно-языковую сферы российской жизни. Думается, что для Л.Н. Гумилева, который видел в евразийстве естественный исторический процесс, было важным доказать, что Россия при переходе от Руси к России становится евразийским государством и по культурно-географическим, и по историческим параметрам.

Сегодня, в условиях глобализации и постглобализации никто не может отрицать влияние многовекторности включения в евразийское пространство как условие самостоятельности развития, чтобы не отбросить уже сложившиеся формы национального строительства, не переступить границы национального суверенитета. Поэтому вполне оправдана поддержка идей А. Дугина о непрерывности евразийской традиции, о неизбежности евразийского выбора народами бывшего Советского Союза и аргументации данного положения как рационально-соответствующего нынешним геополитическим смыслом. А. Дугин не рассматривал вопрос о поэтапной интеграции на евразийском пространстве с учетом национальных интересов, с предотвращением любых тенденций расценивать этот процесс как возвращение колонизации России.

Таким образом, А. Дугин является последователем Н.Я. Данилевского. В ответе на вопрос клеветников России по отношению к европейским государствам Н.Я. Данилевский приводил пример Финляндии, получившей максимальную автономию в Российской Империи в то время, как в Великобритания для создания империи применяла метод жесткой ассимиляции, поэтому активное население России, кроме великорусского, малорусского, белорусского племен, состоит из финских, грузинских, татарских (племен), следовательно, эти подданные должны восприниматься как положительные единицы [3, с. 410]. С учетом культурно-исторических и политических обстоятельств для А. Дугина очевидно, что для России даже по отношению к враждебной Польше действует императив суверенности, суверенитета для многонационального народа России.

В этом контексте А. Дугин предупреждает о необходимости единственно верного значения понимания евразийства как концепта целостности и сохранения России в рамках ее внутреннего порядка. Ни одно государство, и даже Россия, хотя она и является могуществен-

ной военной державой, не может обеспечить нейтрализацию внешних угроз, и это мы видим на примере среднеазиатских стран, которые в той или иной степени сталкиваются с территориальной экспансией. Также актуальной является денационализация экономики, передача собственности транснациональных и национальных корпораций, которые фактически занимаются выкачиванием ресурсов и заинтересованы в том, чтобы «осваиваемые» территории становились ресурсно-сырьевым придатком. Некоторые могут возразить, что и Россия выполняет данную роль в глобальном экономическом пространстве, но, если отталкиваться от обоснованности евразийского проекта, очевидно, что вместе государствам постсоветского пространства легче, так как они в состоянии не вступать в режим искусственной конкуренции по формуле «разъединяй и властвуй» и обеспечить согласование экономических приоритетов в глобальном масштабе.

В то же время действовали и проявились несколько отличительные подходы. Если А. Дугин придерживался философского наследия традиций, пытаясь сделать из политических аргументов концепцию безальтернативности в контексте противоборства двух геополитических систем, то для авторов, рассматривающих евразийский проект как сохранение геополитического и военно-политического влияния России с учетом утраты ее роли как мирового геополитического игрока, ясным стал сдвиг в сторону близкого и постоянного сотрудничества в оборонной сфере, которая, по мнению Л. Ивашова, являлась тем, что позволит России не разделить участь «Московии». В своей книге, озаглавленной как «Россия или Московия», исследователь отмечал, что геополитическое измерение национальной безопасности России определяется игрой геополитических субъектов, вступающих в военно-стратегическое противоборство [5, с. 195].

Между тем в теоретическом плане сложным представляется обоснование евразийской концепции не только в геополитическом, культурно-цивилизационном отношении, но и как концепции современной прагматики, связанной с экономической, политической и социальной интеграцией участников евразийского проекта. Согласно Л. Ивашову, ядро евразийского проекта составляют государства бывшего Советского Союза, что стартовая площадка для него заложена в недавнем совместном прошлом. Хотя за этот период в какой-то степени неузнаваемо изменился политический ландшафт, возникли новые оси противоборства и коопераций, становится понятно, что несмотря на привлекательность внешних проектов, для стран бывшего Советского Союза основным источником стабильности и экономического потенциала является Россия. Россия в то же время включилась в мировое экономическое и политическое пространство как самостоятельное государство, обросла новыми связями и отношениями.

При этом нельзя забывать, что в контексте настоящего и будущего вырисовывается контур России именно как евразийской державы, что споры о принадлежности России к Европе имеют в большей степени не культурно-цивилизационное или геополитическое обоснование, а связаны с определенными политическими целями. Критикуя проекты панславянства, К. Леонтьев указывал на то, что для России панславянизм является даже вредным явлением, поскольку строит ненужные иллюзии по поводу создания особой славянской цивилизации в той же степени, как и проект православного мира, разобранный А.С. Панариным [9], который все-таки не доказал свою обоснованность в геополитическом и временном изменениях.

Выводы

На наш взгляд, следует подчеркнуть, что травматические страницы российской истории во многом связаны с конструированием образа внешнего врага, и это можно рассматривать как политику державности одновременно с изоляцией концентрации сил страны по логике осажденной крепости. Контур евразийского проекта просматривается только в поздний советский период на уровне усиления экономических связей внутри евразийского пространства, включения советских республик в процесс экономических интеграций. Конечно, это являлось и условием интеграции политического сознания советского многонационального народа.

Оценивая в определенной степени советский опыт, не следует откешиваться от советского наследия в виде формирования в стране «советского человека», людей, которые в по-

вседневной жизни вступали в контакты с представителями других национальностей, жили с ними в соседском мире. В то время на уровне повседневности вырабатывалась логика толерантности, но она имеет иной смысл, как отмечает российский исследователь С.Г. Ильинская [6], в отличие от концепции терпимости М. Уолцера [11], основанной на толерантности к меньшинствам и терпимости, хотя и принимает различные формы, восходит в национальные государства. В Советском Союзе как в многонациональном государстве толерантность была заложена в участии в совместных проектах, в том, что республики не воспринимались в официальном дискурсе как «неравные».

Действительно, наблюдались различия в экономическом потенциале, в социальном и культурном уровнях нельзя было сравнить Грузию и Таджикистан, Эстонию и Россию, но мы должны исходить из того, что здесь срабатывал фактор специфики республик, что руководство СССР исходило прежде всего из соображений национальной безопасности и стабильности. Другое дело, что неравенства осознавались как повод для выхода из состава Советского Союза, стремления зажить лучшей жизнью самостоятельно. Эти настроения закреплялись и усиливались национальными элитами.

В то же время нельзя говорить о том, что после ликвидации СССР произошел полный разрыв, что государство разбежалось по «национальным квартирам» и все республики стремились обрести новых партнеров. Скорее, мы наблюдали и наблюдаем транзитный период самоопределения государств бывшего Советского Союза в современном мире. Кроме стран Балтии, вошедших в Евросоюз, нельзя говорить о том, что постсоветские государства примыкают к определенным устойчивым блокам и структурам и что ни одно из государств бывшего Советского Союза не может заявить о себе как о геополитическом партнере или союзнике Китая, или США, или объединенной Европы.

Вместе с тем несмотря на определенные военно-политические и геополитические сложности, Грузия находится под влиянием происходящих в странах постсоветского пространства интеграционных процессов, поскольку на уровне регулярных экономических связей не может вести политику экономической самодостаточности и вынуждена взаимодействовать с соседями по евразийскому содружеству на уровне экономической деятельности. Этому способствует и следствие экономического разделения внутри Советского Союза, хотя специфика экономических взаимоотношений не изменилась, в основном сохраняется режим налаженных связей. Странам постсоветского пространства гораздо проще договариваться между собой, так как они коммуницируют на языке общего наследия, ориентируются на опыт предшествующего периода, и в рамках евразийского проекта, как мы видим, ни одно из государств постсоветского пространства (страны Балтии – отдельный разговор) не заявляет об окончательном аннулировании этих связей.

С разной степенью интенсивности происходит процесс воспроизводства отношений в экономической и политической сфере. Конечно, здесь важно понять степень геополитического влияния и политической активности бывших постсоветских республик (Киргизия, Узбекистан, Таджикистан, Белоруссия). Можно отметить, что геополитический фактор постепенно соседствует с экономическими условиями, интеграция ЕврАзЭС основывается на треугольнике «политика – экономика – общество» процессов [7, с. 17]. В этой связи особый интерес представляет мнение не только национальных элит, но и населения, его ожиданий и оценки происходящего в евразийском пространстве.

Список источников

1. *Алексеев Н.Н.* Русский народ и государство. М.: Аграф, 1998. 640 с.
2. *Гумилев Л.Н.* От Руси к России: Очерки этнической истории. М.: Экспресс: Прогресс-Пангея, 1994. 334 с.
3. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. М.: Книга, 1991. 556 с.
4. *Дугин А.Г.* Основы геополитики. М.: Арктогея-центр, 1991. 928 с.

5. *Ивашов Л.Г.* Россия или Московия?: Геополитическое измерение национальной безопасности России. М.: Эксмо, 2002. 413 с.
6. *Ильинская С.Г.* Толерантность как принцип политического действия: История, теория, практика. М.: Праксис, 2007. 285 с.
7. Интеграция в Евразии: народ и элиты стран ЕЭП: Сборник статей / Ред.-сост. И. Задорин. М.: Европа, 2006. 145 с.
8. *Леонтьев К.* Поздняя осень России. М.: Аграф, 2000. 336 с.
9. *Панарин А.С.* Искушение глобализмом. М.: Эксмо-Пресс, 2002. 416 с.
10. *Савицкий П.Н.* Континент Евразия. М.: Аграф, 1997. 464 с.
11. Толерантность в современном обществе: опыт междисциплинарных исследований: Сборник научных статей / Под науч. ред. М.В. Новикова, Н.В. Нижегородцевой. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2011. 357 с.

References

1. *Alekseev N.N.* The Russian people and the state. М.: Аграф, 1998. 640 p.
2. *Gumilyova N.N.* From Rus to Russia: Essays on ethnic history. М.: Ekoprosvet: Progress-Pangea, 1994. 334 p.
3. *Danilevsky N.Ya.* Russia and Europe. Moscow: Kniga, 1991. 556 p.
4. *Dugin A.G.* Fundamentals of geopolitics. Moscow: Arktogea-center, 1991. 928 p.
5. *Ivashov L.G.* Russia or Muskoviya?: The geopolitical dimension of Russia's national security. Moscow: Eksmo, 2002. 413 p.
6. *Ilyinskaya S.G.* Tolerance as a principle of political action: History, theory, practice. М.: Praxis, 2007. 285 p.
7. Integration in Eurasia: the people and the elites of the CES countries: Collection of articles / Ed.-comp. I. Zadorin. М.: Europe, 2006. 145 p.
8. *Leontiev K.* Late autumn of Russia. Moscow: Agraf, 2000. 336 p.
9. *Panarin A.S.* The temptation of globalism. Moscow: Eksmo-Press, 2002. 416 p.
10. *Savitsky P.N.* Continent Eurasia. М.: Аграф, 1997. 464 p.
11. Tolerance in modern society: the experience of interdisciplinary research: a collection of scientific articles / Edited by M.V. Novikov, N.V. Nizhegorodtseva. Yaroslavl: YAGPU Publishing House, 2011. 357 p.

Статья поступила в редакцию 10.05.2023; одобрена после рецензирования 20.05.2023; принята к публикации 27.05.2023.

The article was submitted 10.05.2023; approved after reviewing 20.05.2023; accepted for publication 27.05.2023.